

По мнению Бергсона, инстинкт относится к интеллекту как:

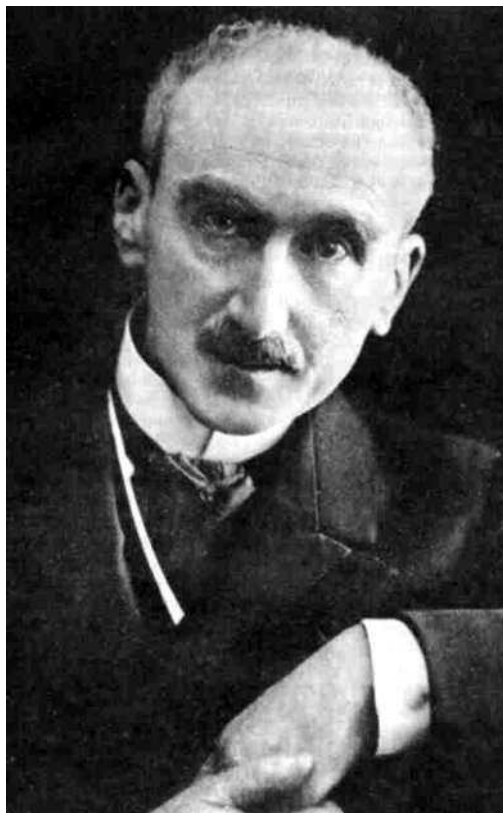
1. Чувство к мысли.
2. Иррациональное к рациональному.
3. Зрение к осязанию.
4. Прошлое к будущему.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| СОДЕРЖАНИЕ

Анри Бергсон: «Интуиция — это ставший бескорыстным инстинкт...»	5
«Эволюция есть непрерывно возобновляющееся творчество»	8
Творческая эволюция	10
Введение	10
Глава первая. Развитие жизни, механизм и целесообразность.....	21
Глава вторая. Различные направления в развитии жизни. Неподвижность, интеллект, инстинкт.....	182
Анри Бергсон. Избранные афоризмы.....	316

Анри Бергсон
(1859–1941)

Анри Бергсон: «Интуиция — это ставший бескорыстным ИНСТИНКТ...»

Анри Бергсон (1859–1941) — представитель таких философских направлений, как интуитивизм и философия жизни. Основоположителем последнего считается Артур Шопенгауэр, утверждавший, что мы живем в худшем из возможных миров. Немецкий гений стоял на позициях иррационализма — эта концепция отказывает человеческому разуму в способности постичь мир и ставит на первое место откровение, интуицию, инстинкт — пусть и животный. Шопенгауэр утверждал: движущий мотив всего сущего — неутолимая воля к жизни. Эту теорию позднее развил Фридрих Ницше с его заявлениями о смерти Бога, сверхчеловеке, гибельности морали...

Философия жизни, неоднозначная и спорная, достигает расцвета в конце XIX — первой трети XX века, параллельно с мировыми войнами и научными свершениями.

Бергсон утверждал: понятия, которые долгое время были ключевыми в мировой философии — материя и дух — сами по себе не имеют особого смысла. Они обретают его лишь в связи с истинной, подлинной реальностью — жизнью. Постичь ее невозможно ни интеллектом, ни при помощи разума — только интуитивно. Но такая способность дана не всем: интуиция, неотделимая от творческих способностей и возможности преобразовывать мир, — удел немногих избранных.

Спорно, дерзко, неоднозначно? Да. Но назначение философии — не заставить во что бы то ни стало согласиться с тем или иным мыслителем, а пробудить разум и заставить размышлять.

18 октября 1859 года — Анри Бергсон родился в Париже.

1868–1878 — учеба в лицее Фонтейна.

1881 — окончил Высшую нормальную школу — по сей день одно из самых престижных учебных заведений в мире.

1889 — Бергсон получил степень доктора философии.

1896 — вышла работа «Материя и память».

1907 — увидел свет известнейший труд Анри Бергсона «Творческая эволюция».

1917–1918 — философ совмещает преподавание и научную работу с дипломатической деятельностью.

1927 — Бергсон получил Нобелевскую премию по литературе.

1932 — опубликована книга «Два источника морали и религии».

4 января 1941 — мыслитель скончался от воспаления легких в Париже, оккупированном немцами.

«Эволюция есть беспрерывно возобновляющееся творчество»

Труды Бергсона включались католической церковью в «Индекс запрещенных книг»... Парадоксально, но философ никогда не относился к категории убежденных богосборцев и признавал за религией возможность изменить жизнь к лучшему руками святых пассионариев, обладавших интуицией, а следовательно, могучей силой преобразования и убеждения.

Видимо, дело в том, что отнюдь не веру и не божественный разум Анри Бергсон ставит во главу угла, рассуждая о движущей силе Вселенной. Более чем внимательно ознакомившись в юности с теорией эволюции Дарвина, философ выстраивает собственную концепцию, согласно которой эволюция приводится в движение жизненным порывом, преобразующим и видоизменяющим материю. Жизненный порыв можно сравнить с электрическим разрядом, с метеоритом,

который, ослепительно сгорая, рассыпается на части, при этом создавая как материю (остывшие части), так и дух (те части, что продолжают ярко гореть, освещая путь). Порыв — сознательное начало, вернее, даже сверхсознательное... Но как, где, благодаря чему возникает этот порыв?

Мы предлагаем вам ознакомиться с первыми двумя главами бергсоновской «Творческой эволюции». И, возможно, дальнейшее знакомство с работами этого необычного мыслителя продолжится уже по вашей личной инициативе?

«Наш ум — это извлеченный из формы металл, — писал Бергсон, — а форма — это наши действия».

Введение

История развития жизни при всей своей нынешней неполноте уже намечает нам путь, который привел к установлению и организации интеллекта. Это был непрерывный прогресс вдоль ряда позвоночных, кончая человеком. В нашей способности понимать мы видим просто прибавление к нашей способности действовать, все более точное, сложное и гибкое приспособление сознания живых существ к данным условиям их существования. Отсюда следует, что наш ум в узком смысле слова имеет целью

« *Теория жизни без критики познания при-
нуждена принять предлагаемые ей разумом
воззрения таковыми, как они есть* »

обеспечить нашему телу его пребывание в среде, представить отношения внешних вещей между собой, наконец, постигнуть материю мыслью. Таков один из выводов настоящего труда. Мы увидим, что человеческий ум среди неодушевленных предметов, в частности среди твердых тел, чувствует себя как дома. Здесь наша деятельность имеет опорный пункт,

здесь наша техника берет свои рабочие инструменты. Мы увидим, что наши понятия образованы по форме твердых тел, что наша логика является главным образом логикой твердых тел и что поэтому наш ум одерживает свои лучшие победы в геометрии, где открывается родство логической мысли с неодушевленной материей и где уму приходится только следовать своему естественному движению; после возможно слабого соприкосновения с опытом он делает одно открытие за другим в уверенности, что опыт идет за ним и неизменно оправдывает его.

Но отсюда следует также, что наша мысль в своей чисто логической форме не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволютивного движения. Жизнь создала мысль в определенных обстоятельствах для воздействия на определенные предметы; мысль только эманация, один из видов жизни, — как же может она охватить жизнь? Мысль — только один из этапов эволютивного движения, как же применить ее к эволютивному движению в целом? С таким же правом можно было бы утверждать, что часть равна целому, что действие поглощает в себе свою причину, что камень,

оставленный волною на морском берегу, изображает форму волны. В самом деле, мы ясно чувствуем, что ни одна из категорий нашей мысли, как, например, единство, множественность, механическая причинность, разумная целесообразность и так далее, не может быть точно применена к живым предметам. Кто скажет, где начинается и где кончается индивидуальность, является ли живое существо единым или многим, клетки ли соединяются в организм, или организм разделяется на клетки? Напрасно мы стараемся вместить живое существо в те или другие рамки. Все они распадаются, ибо все они слишком узки, а главное, недостаточно гибки для этого. Наша мысль, столь уверенная в себе, когда она имеет дело с неодушевленными предметами, теряет эту уверенность на этой новой почве. Трудно было указать какое-нибудь биологическое открытие, обязанное чистому рассуждению. И чаще всего, когда опыт, наконец, показал нам, каким образом жизнь достигает известного результата, мы находим, что именно о таких приемах мы никогда не думали.

Однако эволюционная философия, не задумываясь, распространяет и на живые

существа те объяснения, которые оказались пригодными для мертвой материи. Сперва она показала нам интеллект в качестве отдельного проявления развития; он был светильником, может быть, случайным, освещавшим блуждание живых существ в узком поле их действий. И вдруг, забыв о том, что она только что сказала, она превращает этот фонарик, светящий в глубине подземелья, в солнце, освещающее мир. Она с помощью одной умозрительной мысли смело приступает к исследованию всех вещей, даже жизни. Правда, она встречает на пути такие огромные трудности; ее логика приводит к таким странным противоречиям, что она скоро отказывается от своих первоначальных претензий. Мы постигаем, говорит она, не самую действительность, а только ее подделку, точнее, ее символический образ. Мы не знаем и никогда не будем знать сущности вещей: абсолютное нам недоступно; нужно остановиться перед Непознаваемым. Прежняя чрезмерная гордость человеческим разумом сменилась, по правде сказать, чрезмерным унижением его. Если интеллектуальные формы живого существа постепенно приспособлялись к действиям

и взаимодействиям известных тел и их материальной среды, то почему бы нам не узнать кое-чего о самой сущности этих тел? Действие не может происходить в ирреальности. Можно допустить, что разум, созданный для умозрений или мечтаний, остается чуждым действительности, что он переделывает и преобразует ее, что, может быть, он даже творит ее, как мы своим воображением создаем фигуры людей и животных из обрывков пронесшихся облаков. Но разум, направленный на реальные действия и на неизбежную реакцию их, прикасающийся к предметам, чтобы в каждый момент получать от них меняющиеся впечатления, такой разум кое в чем соприкасается с абсолютным. Разве нам пришла бы в голову мысль усомниться в абсолютной ценности наших знаний, если бы философия не показала, какие противоречия встречаются в нашем умозрении, в какие тупики оно заводит нас? Эти затруднения и эти противоречия происходят потому, что мы применяем обычные формы нашей мысли к вещам, для познания которых не применимы приемы нашей техники, и для которых поэтому не годятся наши категории.

Поскольку же познание относится к известной стороне мертвой материи, оно, наоборот, дает верный снимок с нее. Но оно становится относительным, когда оно как таковое хочет представить нам жизнь, то есть самого фотографа, делавшего снимок.

* * *

Следует ли, однако, отказываться от более глубокого понимания природы жизни? Нужно ли держаться механических представлений, постоянно предлагаемых разумом? Последние по необходимости имеют искусственный и символический характер, ибо вся активность жизни сводится ими к форме определенной человеческой активности, частного и местного проявления жизни, следствия или остатка жизненного действия.

Это было бы необходимо, если бы жизнь употребила весь свой запас психических возможностей на создание чистых разумов, то есть на приготовление геометров. Но линия развития, которая заканчивается в человеке, не является единственной. На расходящихся в другие стороны путях развились иные формы сознания, не сумевшие

освободиться от внешних стеснений и не справившиеся с собой, как это сделал интеллект человека, но все же выражающие нечто постоянное и существенное для эволютивного движения. Сблизив те и другие, соединив последние с разумом, мы, может быть, получим сознание, широкое как жизнь и способное на то, чтобы, внезапно оглянувшись на стоящий за ним жизненный порыв, увидеть его целиком, хотя бы на одно мгновение.

Могут возразить, что даже в этом случае мы не превысим пределов нашего разума, ибо им и через него мы смотрим на другие формы сознания. Это было бы верно, если бы мы были только разумными существами, если бы возле нашей умозрительной и логической мысли не находилась неопределенная туманность из той самой сущности, за счет которой образовалось сияющее ядро, наш разум. В этой туманности еще находятся силы, дополняющие разум; мы только смутно чувствуем их, сосредоточившись в себе; но они осветятся и станут отчетливы, когда они обнаружатся, так сказать, на деле, в развитии природы. Они покажут, таким образом, какие усилия им нужно сделать,